

Хань Чжоу почувствовал, что тело Цзинь Шуаня заметно напряглось, и добавил:

— Если ты ещё не готов, можешь сказать позже. Или вообще не говорить. У каждого могут быть свои секреты.

— Позже, — Цзинь Шуань помолчал некоторое время, его пальцы скользнули по уху Хань Чжоу к клейму в форме буквы «G» на его шее, слегка касаясь его. — Дай мне время собраться с мыслями. Позже я расскажу тебе всё. У меня нет от тебя секретов.

Хань Чжоу тихо рассмеялся и уткнулся лицом в его шею, глухо ответив:

— Дядя, я немного проголодался. Хочу пирожков-лепёшек.

Цзинь Шуань тоже улыбнулся, его тело расслабилось, и он нежно погладил Хань Чжоу по затылку:

— Пойдём?

— Угу, — Хань Чжоу хрипло пробормотал, но закрыл глаза, совсем не собираясь отпустить.

Они стояли в темноте кинотеатра, обнявшись, пока Хань Чжоу почти не уснул, и только тогда он почувствовал, как Цзинь Шуань слегка похлопал его по спине.

Цзинь Шуань:

— Пора на работу, пойдём.

— А? — Хань Чжоу был ещё сонный, медленно отпустил его.

В этот момент на экране показали тёмный кадр, и он, обернувшись, увидел у входа две сгорбленные чёрные фигуры, которые медленно двигались в их сторону, словно зомби из какого-то фильма.

Он вздрогнул от испуга, крикнул:

— Что за чертовщина?! — и отскочил назад, инстинктивно прикрыв Цзинь Шуаня своим телом.

Цзинь Шуань был ошеломлён его защитой, глядя на фигуры у входа. В его сердце смешались теплота и смех. Он погладил Хань Чжоу по руке и успокоил:

— Не бойся, это уборщицы пришли убираться утром.

Хань Чжоу:

— ...А?

Он оглянулся на Цзинь Шуаня, всё ещё с опаской глядя на вход. Свет на экране стал ярче, и он наконец разглядел, что это действительно были две женщины. Видимо, из-за плохого освещения они сильно сгибались, подметая пол, и двигались очень медленно.

Он облегчённо вздохнул и расслабленно откинулся на грудь Цзинь Шуаня. Вот так начало утра.

Город в полшестого утра ещё не проснулся. Небо светлело с каждой секундой, запах росы и

растений ещё не успел полностью испариться. Наступило весеннее равноденствие, и ивы на севере города уже начали распускаться, а розы у дороги готовились зацвести. Хань Чжоу глубоко вдохнул и с удовольствием потянулся. Он давно не видел Лянчэн так рано.

После того дня Хань Чжоу полностью отказался от скромности и за месяц ярко продемонстрировал, что значит быть тихим проказником.

Например, однажды вечером учитель Сяо Ван поклялся, что вовсе не хотел подслушивать. Он просто хотел спросить Хань Чжоу, не хочет ли тот пойти с компанией на ужин после занятий. Но подойдя к двери офиса, он услышал, как Хань Чжоу говорит по телефону:

— Дядя, племяннику холодно.

— Весна наступила, но отопление только что отключили, и ты знаешь, какое у нас старое здание студии... Я не знаю, как согреться, но если бы кто-то меня обнял...

— Нет-нет, не надо приходить, не стоит из-за такого пустяка ехать, я же не хочу отвлекать тебя от работы, эх...

— Нет, у меня всё хорошо, я очень счастлив, ха-ха!

— Не надо объяснять, я понимаю своё место. Я всего лишь дальний племянник, и ты не обязан для меня что-то делать. Я не буду тебя держать, всё понимаю...

Хань Чжоу фальшиво вздохнул, повернул голову и заметил человека в дверях.

— Блин! — он быстро сел на диване и сказал в трубку:

— Э-э, ладно, не буду тебя задерживать, тут кто-то пришёл, пока!

— Ты что, призрак? Стоишь у двери и не говоришь ни слова! — Хань Чжоу положил телефон и, нахмурившись, спросил учителя Сяо Вана:

— В чём дело?

— Э-э... — учитель Сяо Ван, встретив взгляд Хань Чжоу, нервно вошёл в комнату. — Ну, в этом году результаты экзаменов и вступительных испытаний уже известны, и наша студия заняла первое место в провинции по количеству высоких баллов и проходных оценок. Решили пойти на корейский барбекю, чтобы отпраздновать. Ты пойдёшь?

— Конечно! — глаза Хань Чжоу загорелись. — Я как раз думал собрать всех через пару дней, раз уж вы уже решили, то я точно приду.

— М-м... — учитель Сяо Ван не знал, куда деть руки, схватил подушку и, несколько раз подумав, наконец спросил:

— Ты и твой дядя, вы ведь...

— Э-э... — Хань Чжоу почесал шею и с раздражением махнул рукой:

— Не то, о чём ты думаешь, просто шутим! Не болтай!

Учитель Сяо Ван ушёл с сомнениями, и даже за ужином его взгляд на Хань Чжоу был странным.

Он всегда думал, что мужчина за тридцать, который не хочет серьёзных отношений, — это ненормально как с физической, так и с психологической точки зрения! Раньше он считал, что Хань Чжоу просто скрывает свою ориентацию, но теперь понял, что был слишком наивен. Этот шкаф не только глубокий, но и роскошный — оказывается, это его дядя!

Теперь понятно, почему он так хорошо скрывался, это действительно нельзя было рассказывать!

Учитель Сяо Ван стукнулся пивной кружкой с Хань Чжоу и с видом знатока сказал:

— Он не пришёл?

Хань Чжоу недоумённо:

— Кто?

— Да брось, Хань, он тебя не любит. — учитель Сяо Ван, уже изрядно выпивший, с красными щеками обнял Хань Чжоу за плечо и понизил голос:

— Сегодня я понял, что ты, такой весёлый и открытый, на самом деле просто притворяешься. На душе у тебя тоже тяжело, эх...

— Нет! Блин! — Хань Чжоу понял, что тот всё ещё думает о том, что услышал вечером, и оттолкнул его, чтобы избавиться от запаха алкоголя. — Хватит пить, я тогда просто шутил...

— Не надо! — учитель Сяо Ван упрямо снова подошёл. — Мне не нужно притворяться... Сегодня я тебе скажу: я тоже влюбился в того, кого нельзя любить, так что я понимаю твои чувства! Правда!

Хань Чжоу:

— ...?

— О чём вы там шепчетесь? — Линьлинь вернулась с тарелкой арбуза и тарелкой фасоли, проходя мимо Хань Чжоу, спросила:

— Что будешь?

Хань Чжоу, переворачивая кусок мяса на гриле, равнодушно ответил:

— Арбуз.

После ужина все решили продолжить вечер. Лу Е предложил пойти в ночной клуб, но остальным не понравилась идея шумного места, поэтому после голосования все отправились в караоке через дорогу.

Когда все разошлись, началась игра «Правда или действие». В этот раз Лу Е крутил бутылку, и она указала на Линьлинь. Он, играя с маленьким флажком, наконец спросил:

— Правда: сколько стоила самая дорогая картина, которую ты продала? Действие: спой песню. Что выбираешь?

— Действие, выбираю действие! — Линьлинь радостно вскочила и подбежала к караоке.

— Ну ты даёшь, слишком легко! — учитель Хуан толкнул Лу Е. — Петь в караоке — это разве действие?! Лучше бы ты попросил Линь рассказать, как она погасила ипотеку!

— Что? — Лу Е, упав на диван, медленно поднялся, и его улыбка уже не была такой искренней.
— Линь, ты уже погасила ипотеку?

Линьлинь оглянулась на Хань Чжоу, но тот покачал головой, показывая, что он ничего не рассказывал. Она с лёгким смущением улыбнулась Лу Е:

— Ну, я написала роман в интернете, потом его продали, и я немного подзаработала.

— Круто! — учитель Хуан, красный от алкоголя, покачал большим пальцем, но его выражение было скептическим. — Вот почему ты никогда не выходила со мной вечером, оказывается, сидела дома и писала роман. Я-то думал, что ты с каким-то богачом...

Он не успел договорить, как Хань Чжоу и Лу Е одновременно ударили его.

— Хватит нести чушь!

Хань Чжоу, видя, что ситуация накаляется, схватил учителя Хуана за руку и вывел его из комнаты.

— Ты пьян, пойдём подышишь, покурим. — он кивнул Линьлинь. — Линь, ты ведь хотела петь, давай.

В комнате на мгновение воцарилась тишина, но вскоре всё вернулось в привычное русло.

Когда Цзинь Шуань поднялся по лестнице, он услышал, как в комнате кто-то с приятным голосом поет: «Ясно вижу своё сердце, жаждущее настоящих чувств...»

Он увидел, как Хань Чжоу разговаривает с учителем в углу, или, скорее, читает ему нотацию.

Маленький учитель Хань обычно был доброжелательным и терпеливым, но, оказывается, когда он ругает кого-то, то выглядит довольно устрашающе. Учитель Хуан, явно пьяный, несколько раз пытался уйти, но Хань Чжоу каждый раз возвращал его к стене.

<http://bllate.org/book/15564/1415558>